

Барышникова Наталья Сергеевна
г. Москва, ГУ-ВШЭ
Факультет философии
1-й курс магистратуры

АРХИТЕКТУРНЫЕ УТОПИИ И ГЕТЕРОТОПИИ НОВОСИБИРСКА

Статья поднимает вопросы отражения архитектурно-утопического прошлого города Новосибирска в его настоящем и будущем. В основе рассуждений – гетеротопологический метод, берущий своё начало в философии Фуко. Акцент делается на анализе двух архитектурных сооружений Новосибирска – Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета¹, Доме-памятнике Ленина, – рассматриваемых в качестве архитектурных гетеротопий города. Предпринята попытка выявить общие черты выделенных гетеротопий с тем, чтобы проследить характер города, столь нуждающегося в понимании и формировании собственного образа.

Город Новосибирск и его образ

Одна из определяющих черт Новосибирск – это его местоположение. Географическое «где-то в Сибири» наделяет город сиюминутными коннотациями, вытекающими из статуса региона. Сибирский край на протяжении многих веков имеет особое символическое значение, обладая флёром загадочности (в силу дальности) и двусмысленности не только для России, но и для всего мира, в целом. Прежде всего, это связано с историческими условиями, породившими антиномичность сибирского пространства: с одной стороны, это - «каторжный край», с другой, «земля обетованная, русская Америка» [Ремнев А.В, 2013]. Характер Новосибирска также наделен двойственностью, но в силу своей молодости и размеров эта двойственность имеет несколько отличные измерения, которые способны выделить город из череды других «сибирских городов».

¹ НГАТОиБ. Далее, для обозначения данного архитектурного сооружения, имеющего столь объемное название, будет использоваться словосочетание «Оперный театр».

Так, возникший как город рабочих, как транзитный узел, Новосибирск прославился первой удачной реализацией проекта научного центра внутри *советского* города², став генеративной средой для сибирской интеллигенции. Город, в который стремятся многие, но немногие мечтают в нём остаться («перевалочность» новосибирского характера). Город, который является мощным международным экономическим центром (например, в дореволюционном ещё Новониколаевске количество действующих банков лишь немногим уступало московской ситуации), имеет претензии на обладание статусом Столицы Сибири, и вместе с тем носит характер провинциальности в его основных районах. И наконец, в городе с «невнятным архитектурным обликом», серостью и превалирующей рациональностью находится самый большой театр в России – НГАТОиБ – который является не только сакральным местом и символом для Новосибирска, но и «поставщиком» профессионалов мирового уровня в сфере оперного и балетного искусства.

Такая двойственность порождает трудности с определением характера города, которые испытывают не только его наблюдатели, но и жители Новосибирска – непосредственные агенты городского пространства.

Помимо неопределенности в формулировке собственного образа, Новосибирск как исследовательский объект вызывает особенный интерес в связи с моментом его появления: возникнув во времена царской власти (1893г.), город взращен советской идеологией. И в связи с тем, что исторически обусловленного и богатого на разнообразные культурные традиции опыта город не имел на момент прихода большевиков в его границы, идеология, продвигаемая ими, приобретает иной характер восприятия и примирения на себе этой идеологии, проследить который мы постараемся на примере двух новосибирских архитектурных объектов.

² Речь идёт об Академгородке, строительство которого началось в 1957 году. Несмотря на то, что он находится в отдалении от центральной части Новосибирска, Академгородок является полноценной его частью и входит в один из крупнейших районов города – Советский.

Архитектурные утопии и гетеротопии: к определению понятий

Советский период – отроческое время для Новосибирска, – как известно, является большим проектом по реализации утопии [Гройс, 2007]. Препарируя действительность, утопия не способна в одночасье преобразить «порочность» своего объекта, но запущенный ею механизм работает на трансформацию исследуемой социальной действительности. Подобного рода трансформации порождают необходимость обратить особое внимание на гетеротопии – объект анализа социального пространства, предложенный Мишелем Фуко [Dehaene, 2008, p. 19].

«Иные пространства» (гетеротопии) представляют собой своеобразные реализованные утопии, которые разоблачают или дополняют недостатки существующей действительности, это – место встречи мифа и реальности. Поэтому анализ гетеротопий способен пролить свет на понимание современности.

Важно заметить, что образность, которой обладает утопия, определяет её способность властвовать над сознанием и поведением людей, обращая тем самым особое внимание на архитектуру, которая объединяет в себе рациональное и художественно-символическое освоение мира.

Архитектурная утопия [Иконников, 2001] как вид специализированной утопии разделяется на два подвида:

1) Проекцию идеалов социальной утопии на модели пространственной организации среды жизнедеятельности социума (предмет – образ, достроенный до логической целостности и эстетической оформленности структуры). Такой вид созвучен логике Культуры Два, описанной В. Паперным [Паперный, 2007]. Она стремится зафиксировать, сделать монументальным все свои заслуги и достижения.

2) Отражение принципов утопического сознания и связанных с ним идей в способе формирования произведения архитектуры (цель – метафорическое выражение утопических идей через трансформацию сложившихся методов формообразования). Здесь же можно заметить отголоски – культуры один.

Рассуждая об отношениях пространства, знания и власти, Фуко отмечает, что «пространство является фундаментальной чертой в любой из сфер социальной жизни, ... в любом проявлении власти» [Фуко, 2006]. И в качестве способа выявления социально-пространственных отношений, французский мыслитель предлагает анализ гетеротопии. Заимствованный из медицины термин, в русском приложении (с древнегреческого) отсылает к «иному пространству». Именно в этих «других местах» и соответствующих им социально-пространственных отношениях и следует, по Фуко, искать источник социально-политических трансформаций.

Гетеротопия есть некая идея, которая возникает в ряде воплощений. Она материализуется в пространственных категориях, демонстрируя определенные интенции социума. В пространстве любого города – месте обитания городского сообщества – непременно функционирует гетеротопия, определяющая его характер. И Новосибирск – не исключение.

Оперный театр как символ города

Вопросами брендинга территории Новосибирской области в целом и Новосибирска в частности занимается Агентство регионального маркетинга. Серьезную часть в визуальном сопровождении сайта АРМ (sibarm.ru) занимает воплощённый в том или ином виде образ Оперного театра. Обилие самой разнообразной продукции – от конфет до инфографики – с сюжетно-стилистическими вариациями на тему «главного культурного достояния НСО» не заставляет сомневаться в символической роли рассматриваемого архитектурного объекта для городского пространства. Поэтому представляется важным рассмотреть природу и сущность этой символической функции с помощью предложенного Фуко исследовательского инструмента, который позволяет предположить: Оперный театр является архитектурной гетеротопией, существующей в рамках новосибирского пространства.

*Театр многофункционален в контексте городского сообщества*³

Прежде всего, театр является средоточием культурного наследия города: балетная и оперная традиции, сложившиеся за время деятельности театра ценятся на общероссийском и международном уровне, славя тем самым Новосибирск. Можно говорить о своеобразной институции, которая аккумулирует и транслирует определённый культурно-художественный имидж города.

Кроме того, в *физическом* пространстве города театр выполняет функции как архитектурной доминанты, являясь ключевым звеном в формировании ансамбля центральной городской площади, так и ориентира, занимая видное место в архитектурном облике Новосибирска.

Театр соединяет, сопоставляет различные элементы того пространства, в котором функционирует.

Доминантные и ориентационные качества рассматриваемого архитектурного сооружения работают на установление взаимосвязей между элементами пространства. При этом, упомянутая выше «культурная» институциональность словно противоречит общему характеру города: транзитно-промышленному, научно-образовательному, деловому. То есть театр вступает в оппозицию с остальным пространством, выстраивая отношения в дихотомии рациональность – иррациональность (так как культура лежит в области чего-то интуитивного, непостижимого).

Театр связан с определенным периодом времени

Рассматривая горизонтальность и вертикальность сменяющих друг друга Культуры Один и Культуры Два, мы упоминали о том, что строительство Оперного театра было самым непосредственным образом вовлечено в процесс наслоений своеобразных эпистем. Обратимся к многослойной и нетривиальной истории возведения здания НГАТОиБ.

В сентябре 1928 г. Н.И. Бухарин заявляет о необходимости «культурно управлять». Предлагаемые им методы управления

³ Здесь и далее выделяются признаки гетеротопий, отмеченные Фуко и процитированные в сборнике «Гетеротопия и город» [Dehaene, 2008].

представляли собой «сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой общественной и государственной инициативы» [Оглы, 1991, с. 76].

С приходом новой власти вопрос о пересмотре отношения к культуре и образованию стал насущным.

В ответ на эти заявления в Новосибирске рождается идея строительства Дома Науки и Культуры (ДКиН), призванный осуществить «количественный перевес культурных сил» в городе. Так началась история самого долгого и скандального строительства в истории советского Новосибирска [Баландин, 1990].

Первый проект в авторстве А. Гринберга и И. Киренского в 1930 году был грандиозным по своим масштабам и задумке. ДКиН состоял из шести соединенных переходами корпусов, в которых размещались: театр на 3000 мест, концертный зал на 750 человек, музей, библиотека, выставочное здание и научно-исследовательский институт (см. рис. 1⁴).

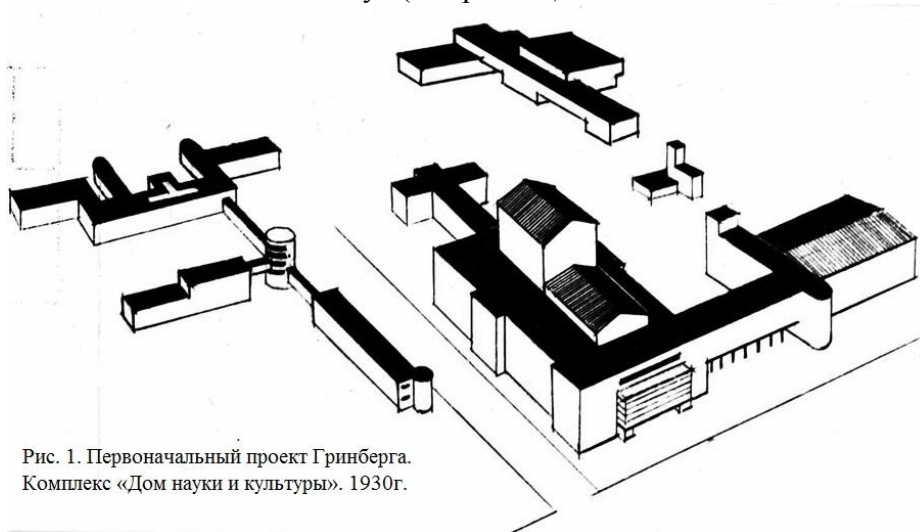

Рис. 1. Первоначальный проект Гринберга. Комплекс «Дом науки и культуры». 1930г.

Затем Гринберг, Курилко, Бардт (московский специалист по театральной архитектуре) разработали специальную систему «Геомасс»: Театр, зал собраний, демонстрации, спортивные

⁴ Изображения, использованные в статье, предоставлены архивом Музея истории архитектуры Сибири им.С.Баландина.

мероприятия, механизация сцены, разрез с кинопроектором, объединив на этот раз все пространства под одни куполом (см. рис.2). Проект делал возможным появление с улицы колонны демонстрантов, автомобили, тракторы или экипажи, проходящие на всей скорости, при этом предполагалось, что круговые платформы могли двигаться с той же скоростью в противоположном направлении. Эта система, рассматриваясь как

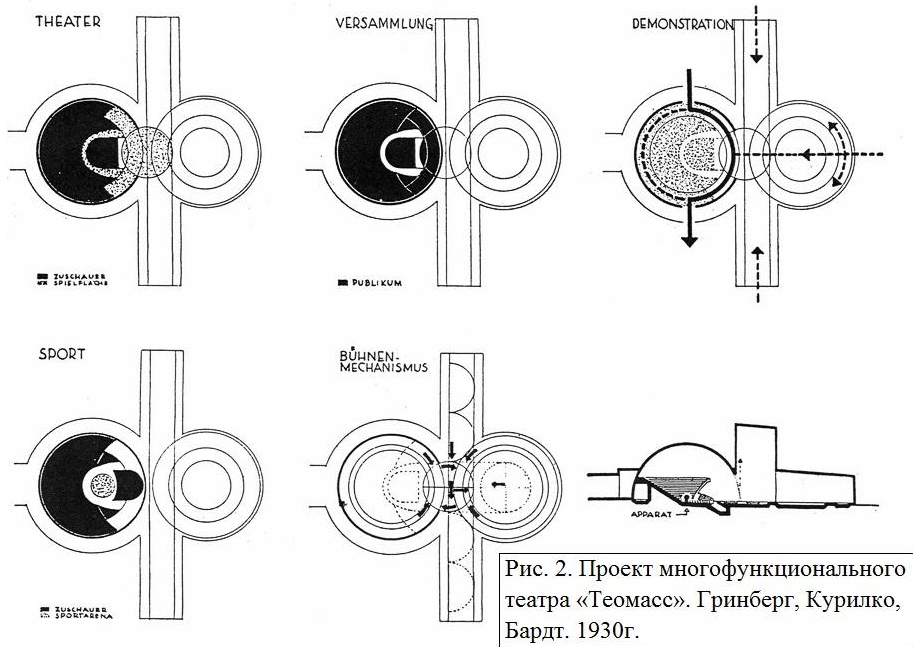

Рис. 2. Проект многофункционального театра «Геомасс». Гринберг, Курилко, Бардт. 1930г.

«наиболее доступное орудие пропаганды идей социализма», превращала будущее сооружение в машину по «переработке человеческого материала».

Выражение «ультрановаторских идей» (см. рис.3) Т.Я. Бардта и М.И. Курилко в области сценографии можно обнаружить в проектируемом устройстве трансформирующегося зала, способного превращаться в круглый амфитеатр для цирковых и особых театральных действий (с возможностью появления бассейна и планетария, в том числе). Наконец, в 1931 было начато строительство здания по новому эскизному проекту,

составленному А.З. Гринбергом и М.Т. Смуровым по наброскам схемы театра, выполненным Т.Я. Бардтом и М.И. Курилко.

Но, как известно, в 1933 г. произошёл окончательный переход к «Культуре 2», которая, воцарив сталинский ампир, критикует конструктивистские формы, определяющие облик возводимого в тот момент Дома Культуры и Науки.

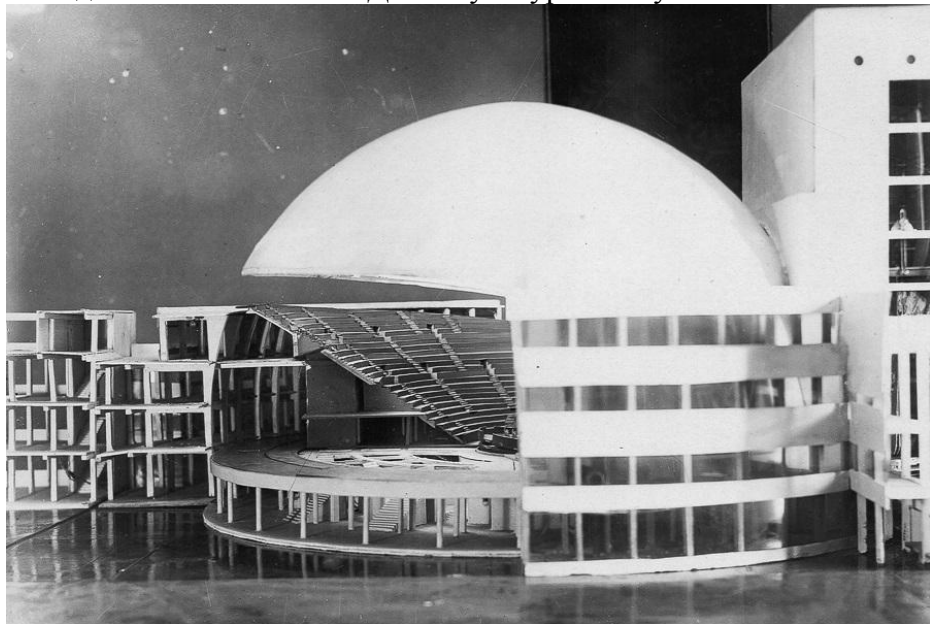

Рис.3. «Ультрановаторские идеи» Бардта по механизации сцены с возможностью превращения её в планетарий, бассейн, площадь для демонстраций. 1931г.

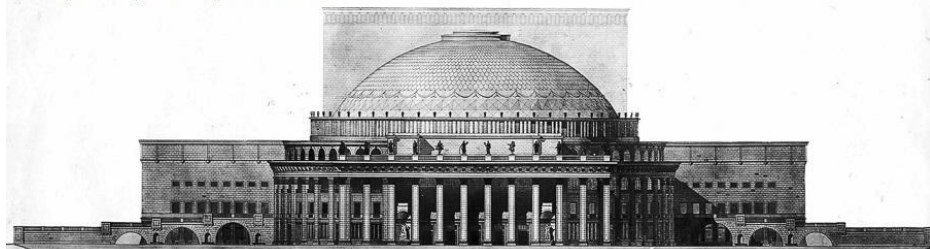
Гринберг отказался «радикально обогатить» архитектуру спроектированного им здания. Поэтому комитет содействия строительству ДНиК объявил через газету «Советская Сибирь» открытый конкурс на «составление проекта обработки фасадов строящегося в Новосибирске театра».

Рис. 4. Проект-победитель открытого конкурса газеты «Советская Сибирь». Автор – Гордеев. 1934г.

После проведения конкурсов архитектор Б.А. Гордеев, проект которого победил во втором туре второго конкурса (см.рис.4), для дальнейшей разработки проекта в 1934 г. был направлен во Вторую мастерскую Моссовета академика А.В. Щусева, где при участии сначала А.Б. Куровского, а затем - В.С. Биркенберга, по технологической схеме Г.М. Данкмана была выполнена окончательная редакция проекта (см.рис.5). В августе 1935 года, Наркомпрос принимает решение отказаться от системы «панорамно-планетарного театра» и строить ДНиК как обычный оперный театр.

Рис. 5. Отредактированный московской мастерской проект Гордеева. 1934г.

Период репрессий не обошёл стороной и коллектив строителей театра. Во-первых, здание театра было названо «самым большим и неудачным детищем конструктивизма». Во-вторых, при строительстве в несколько раз была превышена заявленная смета. Поэтому власти пришли к выводу, что строительство Новосибирского театра было начато «с явно вредительскими» целями. В результате, в 1937 году был репрессирован главный инженер строительства театра, вслед за ним, в 1938 г., арестован

создатель системы «Теомасс» Т.Я. Бардт. Эти репрессии не могли не сказаться на темпах строительства театра, поэтому окончательное его завершение случилось лишь в 1955г.

Таким образом, история проектирования и строительства театра представляет собой наслоение культуры один и культуры два, которые отражаются в сопровождающих возведение здания событиях и дальнейшем функционировании театра.

Театр имеет особую роль по отношению к остальному окружающему его пространству.

Возвращаясь к символической роли Театра для всего новосибирского пространства, стоит отметить мифологический аспект в отношении к нему. Самой популярной и самой неправдоподобной легендой является предположение о существовании в недрах фундамента НГАТОиБ бункера Сталина. Появление мифа (объективных причин для существования которого нет, в связи с расположением несущих конструкций) произошло в «неспокойные 90-е», когда крушение старых устоев обусловило появление страхов перед неизвестным будущим, что обратилось в перенесение этих страхов в прошлое.

Стоит отметить отпечаток в истории театра исполнение в его ещё недостроенных стенах (служившим в тот момент для цеха по производству мин) Ленинградской симфонии 9 июля 1942 года. Эвакуированный оркестр Ленинградской филармонии исполнил симфонию Шостаковича, присутствовавшего при этом, впервые на сибирских просторах. Новосибирцы по сей день гордятся фактом «премьерного» исполнения этого знакового для всей страны произведения, и убедить их в том, что пионером стала сцена самарского театра, удастся лишь, пожалуй, самому Шостаковичу.

В городе, где практически нет места сакральному - ввиду его возрастания в эпоху атеизма – именно мифологизированные объекты берут на себя функцию ритуализации городской повседневности. Тем самым, Оперный театр становится пантеоном для новосибирского пространства, компенсируя недостающие элементы в нём.

Из вышеописанного можно увидеть, как Оперный театр, являясь гетеротопичным объектом, стал играть ключевую роль не только в городском пространстве, но и за его пределами. Тем

самым, архитектурная утопия из прошлого превратилась в значимый и сильный образ для современного Новосибирска.

Дом Ленина и его гетеротопичность

Стоит обратиться ещё к одному выдающемуся примеру архитектурной утопии, воплощённой в жизнь – Дому-памятнику Ленина. История его появления связана со смертью вождя пролетариата и делает акцент на столичных стремлениях в течении жизни новосибирского пространства. Так, первый камень Дома был заложен 10 мая 1924г. по инициативе горожан в стремлении увековечить память вот-вот ушедшего Ленина на сибирских просторах. Соответствуя архитектурному настроению того периода здание должно было стать «одним из выразительных и агитационно-действенных средств в пропаганде социалистических идей» [Невзгодин, 2005, с.48].

Рис. 6. Дом-памятник Ленина.
1925г.

Первоначально здание проектировалось как крупнейший научно-исследовательский центр изучения и распространения ленинизма. Проект, как и в случае с Оперным театром, менялся несколько раз до начала и в процессе строительства. В результате был осуществлен достаточно реалистический проект (авторы - архитектор И.А. Бурлаков, инженеры И.И. Загрявко и М.А.

Купцов). В его облике обнаруживается идеология эпохи, подтверждённая словами лозунга, венчающего карниз здания: «Ленин умер -- жив ленинизм» (см. рис. 6). С учётом того, что здание создавалось как Дом-памятник, данный лозунг становится иллюстрацией к стремлению создать свой собственный, сибирский мавзолей, встав наравне с Москвой, представляющей возможность попрощаться с вождём революции. То есть в реализации этого проекта, вновь можно обнаружить своеобразную компенсацию в отсутствии своего Ленина, своего материализованного объекта поклонения и почитания. Стоит заметить, что в настоящее время здание не только утратило роль сибирского анклава ленинизма, но и приобрело иной, более «классический» и соответствующий сменившейся конструктивистские веяния культуре два, облик. В данный момент его стены стали приютом для Новосибирской филармонии, не утратив при этом исторического амбициозного названия.

Шагая в ногу со временем, реагируя на события в жизни Партии, город транслирует свои амбиции и устремления через возводимые в нём здания. Рассмотренные архитектурные объекты, являясь гетеротопичными, становятся для города знаковыми пантеонами, хранителями сакрального пространства, выполняя при этом компенсаторную функцию. Иначе говоря, это – примеры создания мест с совершенным – с точки зрения социально-пространственных отношений – порядком, компенсирующих несовершенство городской повседневности, заключающегося в отсутствии «священных» элементов в ней. Поэтому обнаруживается ключевая роль рассмотренных зданий в отношениях по поводу репрезентирования новосибирского пространства в целом. Архитектурные гетеротопии, тем самым, демонстрируют их социально-критическую функцию в установлении пространственных отношений и диспозиций.

Корабль «Столица Сибири»

Изучение архитектурных гетеротопий позволяет выявить и гетеротопию другого рода, не привязанную прямыми отношениями к материальному миру. Так, углубление в

исторические реалии новосибирского пространства, позволяет сказать, что столичность становится неременной спутницей всех начинаний и действий сибирского города. Она фантомно, с интенциональной привязанностью, преследует его аналогично тому, как корабль становится ключевым вдохновляющим образом в сознании людей Нового времени [Dehaene, 2008, p.30].

Статус столицы Советской Сибири (1921-1930 гг.) позволил Новосибирску не только возрасти и превзойти своих конкурентов, став ключевым экономическим и образовательным центром в Сибири, но и поныне иметь место в деятельности горожан. Союз самостоятельности и амбициозности с первых месяцев появления Новосибирска стал его направляющей, определив будущий характер города и его пространства. В настоящий момент город заявляет о себе на общегосударственной арене событиями, инициатива в проведении которых принадлежит горожанам, не имеющим отношения к муниципальным институциям. Они – будь то Монстрация или Тотальный диктант – происходят «снизу», основываясь на индивидуальном ощущении потребности в них со стороны создателей. В таком ключе, столичные стремления (то есть желание продемонстрировать собственную самодостаточность и значимость) выполняют одухотворяющую роль. Любопытно, что подобные максимализм, неременная страстность представлений о значимости города характерны и для работ студентов-архитекторов, проектирующих новосибирские здания ещё в первой половине 20 века, когда город был лишь разрозненно стихийным порождением мостостроя.

Гигантомания свойственна всему, что стало порождением начала советской эпохи. Если пятилетку, то за три года, если строительство коммунизма, то во всём мире, если столица Сибири, значит и столица Евразии. Подобного рода стремления – выйти за пределы сибирского региона – можно обнаружить и в дискурсе местной прессы. Журналистское перо ищет потенциал в сибирском городе, указывает на его преимущества, провоцируя сознательных горожан на действия по развитию этих преимуществ. Так, активисты движения «Россия Молодая» высказали предложение о переносе столицы из Москвы в Новосибирск. Действительная возможность для осуществления этой интенции едва ли появится,

но существование подобной полемики задаёт показательную дискурсивную канву новосибирской столичности.

Идея Столицы служит для социально-пространственных отношений внутри города своеобразным маяком и талисманом. Поэтому ведущей *гетеротопией* Новосибирска представляется условный конструкт «столица Сибири». В пространстве этого конструкта обнаруживаются лейтмотивы, противопоставленные негативным представлениям о городе. Таким образом, исследование значимых архитектурных объектов в городе при помощи гетеротопологического метода может стать продуктивным с точки зрения выявления пространственных смыслов и конструирования образа города.

Литература

1. *Баландин С.* Новосибирск: что остаётся в наследство?.. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
2. *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. Пер. с нем. Андрея Фоменко. М.: Ad Marginem, 2007.
3. *Иконников А.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Том 1. М.: Прогресс-традиция, 2001.
4. *Невзгодин И.* Архитектура Новосибирска. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
5. *Оглы Б.И.* Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.
6. *Паперный В.З.* Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 408с.
7. *Ремнев А.В.* Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. Режим доступа <<http://zaimka.ru/remnev-colony/>>.
8. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть, часть 3. Статьи и интервью 1970-1984. М.: Праксис, 2006.
9. *Dehaene M., De Cauter L.* Heterotopia and the City. Public space in a postcivil society. New York: Routledge, 2008.